

СМЫСЛ КРИТИКИ МЕТАФИЗИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ХАЙДЕГГЕРА

С.А. Нижников¹, А.И. Кадыров

Российский университет дружбы народов

Несмотря на различные интерпретации философии Хайдеггера, он бесспорно является глубоким критиком метафизической традиции в европейской философии. Его задача преодоления метафизики вновь пробудила интерес к фундаментальным вопросам бытия в эпоху тотального доминирования частных наук. В статье авторы исследуют понятие метафизики и его критику в творчестве М. Хайдеггера, а также последующие интерпретации, в частности О. Пёггелером («Новые пути с Хайдеггером», 1992). Показывается, что *критика метафизики была необходимым условием ее преодоления для построения фундаментальной онтологии. Испытав влияние Ницше, Хайдеггер не остается ницшианцем, поскольку считает его последним метафизиком, которого необходимо преодолеть. В связи с этим Пёггелер признает главной работой Хайдеггера не «Бытие и время», а «Доклады к философии» (1936), где он стремился вскрыть первоисточки понятия метафизики. Специально рассматриваются взгляды Хайдеггера относительно трактовки развития метафизики в разные исторические эпохи.*

Ключевые слова: критика метафизики, фундаментальная онтология, aletheia, physis, нигилизм, событие, язык.

1. Понятие метафизики и его исторические трансформации

В истории философии хорошо известно, что термин «метафизика» возник случайно [3. С. 5], но утвердился и стал в точности передавать его смысл. Однако с таким пониманием метафизики как учения о сверхчувственном никак не мог согласиться Хайдеггер, согласно которому такое понимание порождает нигилизм, в котором утрачивается истина бытия. В лекционном курсе о метафизике Хайдеггер пишет: «“Метафизика” – это название области наиважнейших вопросов философии» [13. С. 132]. Однако он стремится придать ей досократовский смысл, когда бытие еще не мыслилось в отрыве от сущего, не объективировалось в сфере сверхчувственного. Философия спрашивает об *ἀρχή*: «*Архэ* – означает “начинать” и, одновременно, “находится в самом начале, перед всеми и вся, также и в смысле “начальствовать, властвовать, господствовать”» [13. С. 132]. Это *ἀρχή*, согласно Хайдеггеру, «разыскивается» исключительно ради сущего, а сущее – это то, что есть [14. С. 390].

¹ E-mail: nizhnikovs@mail.ru, kaddyrov01@mail.ru

В поисках *ἀρχή* древнегреческие философы все более приближались к конкретному представлению о сущем. Для этого досократиками были введены два фундаментальных понятия – *φύσις* («*фюсис*», т.е. «природа») и *λογος* («логос» то есть «мышление», «слово»). Тогда философия (метафизика) начинает пониматься как: «осмысления *фюсис*» с целью высказать ее в *логосе* [6. С. 59]. На данном этапе *фюсис* зависит от логоса как своего собственного закона и *алетейи* как истины в смысле открытости. Таково было понимание метафизики в милетской школе и у Гераклита, однако уже у Парменида возникает вопрос об *einai*, то есть о бытии в его развоплощенной форме, оторванной от конкретного сущего. Бытие начинает мыслиться как сущее высшего порядка. Хайдеггер находит в этом имплицитно заложенную двойственность, которая затем эксплицируется в теории идей Платона. По Хайдеггеру, в этом и состоит «грехопадение» метафизики. Платон и Аристотель, стремясь определить бытие сущего, «покинули» сферу обычного, пределы досократовского мышления и начали сооружать искусственный «новый этаж», оторванный от «*фюсис*».

Таким образом, первоначально бытие рассматривалось как *фюсис*. Согласно А. Дугину, для Хайдеггера «досократики находились в мире, *внутри* него, они были *сущими* среди *сущего*, мыслящими *сущими* и *мыслящими сущее* среди *сущего*» [4. С. 76]. Но уже с Парменида, в понятии *фюсиса* намечается двусмысленность, что приводит к возникновению понятия *мета фюсика* (метафизика): «...первоначальный смысл *фюсиса* как внутренней сущности, закона вещей переносится в мир сверхчувственного. Метафизика понимается как строй господства сверхчувственного» [16. С. 187]. В дальнейшем философия в качестве метафизики занималась этим объективированным сверхчувственным, предав «забвению» бытие.

Затем Хайдеггер обращается к идеям Платона и *нусу* Аристотеля, отмечая их отрыв идеи от вещи, сущности от явления, бытия от сущего, мысля это как искажение метафизики и начало теологии: «...человек становится *перед сущим*, он больше *не в мире*, он *перед* миром, он *vor-gestellt*, он *пред-поставлен* миру, *пред-стоит* ему. Он не способен больше общаться с сущим, с вещами мира напрямую. Он не может соучаствовать в “несокрытости” мира (в его досократической “истинности”)» [4. С. 77].

Главное очертание метафизики Платона с очевидностью намечается в притче о пещере. Так и слово «метафизика» в платоновской притче уже предвидено, так как: «...мысль идет за пределы того, что воспринимается лишь тенеобразно и отобразительно, вовне, к тому, а именно – к “идеям”» [11. С. 360]. И главное здесь – идея всех идей, фактор прочности и явления всего сущего. Хайдеггер особенно критикует концепцию Платона об истине, утверждая, что в результате произошла подмена истины идеями, которые обладали над «алетейей» (*алетейя* – др.-греч. истина). *Алетейя* оказывается в упряжке «идеи». Теперь существо истины уже не открывается как непотаенное из его собственной бытийной полноты, а зависит от идеи. В итоге, по Хайдеггеру, существо истины теряет непотаенность как свою главную черту.

Осмывая средневековую культуру Хайдеггер, как и Ницше, считал, что «христианство – это платонизм для масс», «поскольку оно учит, что земной мир как юдоль скорби является лишь занимающим какое-то время переходом к потустороннему, вечному блаженству» [15. С. 72]. Хайдеггер убежден, что в этот долгий период времени ничего значительного не произошло, платоновские идеи с аристотелевской логикой так или иначе лежали в основе средневековья. В частности, толкуя библейское высказывание «В начале сотворил Бог небо и землю», Хайдеггер отмечает, что «оно не может быть ответом на метафизическое вопрошание, и даже не имеет к нему доступа» (цит. по [7. С. 61]).

В итоге Хайдеггер говорит о «необходимости придать миру *тот* смысл, который не принижает его до роли проходного двора в некую потусторонность. Должен возникнуть мир, делающий возможным такого человека, который развертывал бы свое существо из полноты своей собственной ценности» (цит. по [2. С. 202]). Хайдеггер, как видим, высказывает принципиальное несогласие с двух с половиной тысячелетней теолого-метафизической традицией, устанавливающей Высшее Бытие как сферу, не зависящую от времени. Он интерпретирует подобное конструирование как бегство от собственной временности, ибо объективированная вера не содействует человеку в выходе за рамки времени.

Хайдеггер полагал, что философы-метафизики Нового времени (Декарт, Лейбниц и др.) унаследовали платонический дискурс. К тому же схоластическая пауза, продолжительностью в полтора тысячелетия, только усилила «забвение бытия». А работы по онтологии в Новое время только подражают платоновским схемам, полагая на место «идеи» новые «представления» – энергию, субъекта, монаду, действительность и т.д.: «...причем каждая новая сущность, категория или концепт, – лишь усугубляют забвение бытия, отвечают на вопрос о бытии все более формально, отчужденно, все более углубляясь в сферу представлений и, соответственно, уплотняют исключительно референциальную теорию истины» [4. С. 81].

2. Задача преодоления метафизики

Ницше Хайдеггер рассматривал как «последнего метафизика»: сколько бы тот ни боролся с ней, все равно остался в плену отрицаемого. Поскольку прежние высшие ценности господствовали над чувственным с высоты сверхчувственного, а строй такого господства – это метафизика, то вместе с полаганием нового принципа переоценки всех ценностей производится и оборачивание всякой метафизики [1. С. 318]. Но, наделив волю невиданной мощью, Ницше, по сути, метафизировал ее: преодоление метафизики оказалось мнимым. Хайдеггер не удовлетворяется таким «преодолением» метафизики через радикализацию воли к власти, превращение ее в произвольную волю к воле. Ницше, полагает он, запутался в плену того нигилизма, который сам же диагностировал. Хайдеггер акцентирует внимание и на том, что Ницше «не

дошел до того раннего времени греческого мышления», до *physis* и *aletheia* [8. С. 139]. Согласно Отто Пёггелеру, Ницше не привел Хайдеггера к тем изначальным вещам с которых начинается метафизика: «...когда Ницше представляет к *Что* воли-к-власти *Так*, *Что* постоянного и вечного возвращения, он закрывает для себя возможность увидеть и поставить вопрос о возвращении как *Как*» [8. С. 139].

С 1929 года Хайдеггер стремится трагедийно осмыслить существование греков, в котором мышление и поэзия соседствовали. Но он, на наш взгляд, не согласился бы с интерпретацией Ю. Хабермаса в том, что: «Ницше доверил преодоление нигилизма эстетически обновленному мифу о Дионисе». Согласно Хабермасу: «Хайдеггер проецирует это дионисическое событие на экран критики метафизики, которая благодаря этому обретает всемирно-историческое значение» [10. С. 65]. Однако, на наш взгляд, так не происходит, поскольку Хайдеггер обращается от Ницше к Гёльдерлину, с помощью которого он хотел добраться до первоисточков появления метафизики, открыть не дионисийское, а «Другое Начало».

В 1928 году М. Хайдеггер в одном из своих писем к префекту писал: «Быть может, убедительнее и настойчивее всего философия показывает, как неразрывно связана с человеческой природой склонность к начинаниям. Ведь, в конце концов, “философствовать”, означает не что иное, как “быть начинателем”» [9. С. 22]. Из этого тезиса можно предположить, что Хайдеггер, всегда пытался выйти на новое понимание Первоначала. Он не хотел быть продолжателем какой-то философской традиции, например, гуссерлевской феноменологии, поскольку говорил о том, что философия не есть определенная законченная система, которую необходимо строить. Поэтому Хайдеггер на протяжении всей своей жизни выступал против стремления как-то классифицировать его учение, отнести его всецело к «феноменологам», «герменевтикам» или «экзистенциалистам».

Преодоление метафизики, с точки зрения Хайдеггера, не может быть достигнуто посредством тех средств, которые создала сама громадная традиция метафизики. Поэтому, как известно, Хайдеггер разрабатывал свой язык выражения мысли, чтобы, согласно Пёггелеру, отгородиться от «метафизической истолкованности истории» [8. С. 127]: бытие должно истолковываться не искаженно, не заслоняясь (*verstellen*) привычными представлениями о становлении и развитии. Хайдеггер критикует метафизику по той причине, что она прикрывает пути к совершению «события». Отсюда и истоки появления нигилизма: «...он укоренен в той философской теологии, которая воспринимала божественное, идя от его присутствия, делала его темой для рассмотрения и, наконец, даже “доказывала” его существование – таким образом, использовала для обоснования самого философствования» [8. С. 455].

3. Бытие как событие (Ereignis)

Большинство исследователей творчества Хайдеггера склонны считать «Бытие и время» главным трудом Хайдеггера. Действительно, с 1927 года, когда оно было опубликовано, Георг Миш не замедлил утверждать, что это сочинение оказало воздействие, подобное удару молнии: весь ландшафт философии вмиг осветился так, что стало очевидно, «философствование больше не может оставаться там, где оно когда-то обосновалось» [8. С. 89]. Но между тем вышедшая книга «Доклады к философии» Хайдеггера, посвященная его 100-летию, заставила известного исследователя и интерпретатора творчества Хайдеггера Отто Пёггелера признать ее самой главной: «Лишь спустя годы и после пройденного пути – через религиозный кризис (о чем умалчивалось) и через беспорядочные метания в политике, которые стали достоянием широкой публики, – Хайдеггер обрел новый язык. В «Докладах к философии» (“Beiträge zur Philosophie”) была сделана попытка собрать вместе все, что было найдено на семинарах, лекциях, в докладах и в первых разработках» [8. С. 116]. В нем «событие» стало для Хайдеггера главным словом». Он стал понимать язык как «событие», которое вернет человека к его сущности «...превращает его существование в Присутствие Бытия (zum Dades Seins)» [8. С. 124].

«Бытие как событие – есть “история”; истина бытия должна быть познана “событийно-исторически” (“ereignisgeschichtlich”) Это основополагающее событие есть не что иное, как верно понятый поворот-обращение, который во все не есть обращение [в другое мышление и веру] (Umkehrung), – в смысле переоценки заданных ценностей, – но есть заход (Zukehr), позволяющий завернуть-заглянуть к перво-сущению (Wesung) или истине бытия» [8. С. 127].

Прежняя метафизика не способна раскрыть и обнаружить «событие». Необходимо найти ту, «более изначальную основную установку», «в которой будет достигнуто в своем наиболее подлинном событийном характере “основополагающее событие” (“Grundereignis”), “перво-сущение” исконного бытия» («Wesung des Seyns») [8. С. 127].

Можно задаться вопросом, а как Хайдеггер пытается постигнуть то самое «основополагающее событие»? Человек – единственное сущее, которое, вопрошая, ставит вопрос – «Почему?» Только на основании этого вопрошания он может войти в мир. Сущее нуждается в человеке для своего «мирования». Но этим мы не можем исчерпывающим образом понять событие, – это скорее пра-событие. Хайдеггер обращается к Платону, который говорил об этой пра-истории как «о том agathon, который лежит по ту сторону бытия и только и позволяет бытию каждый раз быть бытием, а идеям – каждый раз быть идеями» [8. С. 118]. Но возможное еще не является действительностью.

В книге «Доклады к философии» и в докладе о Гёльдерлине в Риме (1936) Хайдеггер осмысляет событие через анализ языка. Отсюда и особое обращение Хайдеггера к поэзии как таковой, и особенно, – к поэзии Гёльдерлина.

Но мышление не просто идет за поэтом, оно решает свои задачи. Когда человеком ставится вопрос «*Почему?*», он осуществляет переход к смыслу бытия (Sinn von Sein). Здесь мы неизбежно приходим к необходимости трансценденции, поскольку мы не можем опереться, например, на самого человека, как в экзистенциализме Сартра. Человек как существование теперь отодвинут назад. Теперь он «конфронтирован со Сверх-Могуществом Священного» [8. С. 126]. Другое Начало Хайдеггера, позволяющее начать иначе, становится возможным, когда мышление поворачивается к тому, что поначалу уже было оставлено и позаброшено (забвение бытия). В точке поворота должно произойти вхождение бытия в существование.

Далее, Пёггелер отмечает, что в силе Хайдеггера заключались и его слабости, а величие его устанавливало и границы, за которые он не заходил. На эти слабости и эти границы нужно указать. Пёггелер идет дальше, чтобы выяснить, что имеет в виду Хайдеггер, говоря, что «нужно идти к тому самому первоначальному». Анализируя интерпретацию Хайдеггером досократиков, Пёггелер пишет следующее: «...я считаю интерпретацию, которую дает Хайдеггер, неудовлетворительной с точки зрения исторической и филологической» [8. С. 295]. А также затруднительным для Пёггелера является тот факт, что Хайдеггер в разные годы дает разные толкования Парменида. Пёггелер дистанцируется от Хайдеггеровской истории философии: «...есть одна («неоплатоническая») трактовка парменидовского тождества бытия и мышления, которая, возможно, исторически неверна, но как феномен, просуществовавший две тысячи лет, имеет свою собственную историческую реальность» [8. С. 296]. Иными словами, по Пёггелеру, Хайдеггер трактовал парменидовское тождество и различие по-своему и в некотором смысле некорректно.

По Хайдеггеру, из-за забвения бытия метафизика предстает нигилизмом по отношению к бытию. Невозможно и бессмысленно ставить вопрос о бытии исходя из прежней метафизики, – ее необходимо преодолеть. Собственно для этого Хайдеггер «хочет повторить греческое начало философии, не соблазнившись идеей “созерцательной жизни” – платоновским солнцем» [7. С. 61].

4. К определению метафизики Хайдеггера

Несмотря на то что Хайдеггер пытался преодолеть метафизику, ряд исследователей самого Хайдеггера определяют как метафизика, построившего свою концепцию на основе «преодоления метафизики», рассматривают его как фундаментального мыслителя, оригинальным экзистенциальным образом продолжающего метафизическую традицию.

В статье В.В. Миронова «Метафизика не умирает (Хайдеггер и его защита метафизики)» обосновывается тезис о том, что метафизический подход был необходимым условием зарождения философии как таковой и что без метафизического базиса философия теряет свою специфику как особого рода

познание, отличающееся от частных наук: «В некотором смысле М. Хайдеггер встает на защиту метафизики так же, как в свое время это делал Кант, но в иных социокультурных обстоятельствах, – когда складывается очередное “наступление” на философию, трактуемую как метафизическое знание» [5. С. 90]. Хотя трактовка философии Канта как метафизической вызывает вопросы.

Согласно В.В. Миронову, в творчестве Хайдеггера «Метафизика преодолевается лишь как некий конкретно-исторический вариант ее развития» [5. С. 91]. Но ведь Хайдеггер не только преодолевает конкретно-исторический вариант ее развития, а метафизику как таковую, по крайней мере ее греко-европейский, западный вариант. На наш взгляд, подход Хайдеггера более радикален, – он подвергает редукции не определенный исторический вариант метафизики, а всю ее историю.

Вместе с тем Хайдеггер «как бы отбрасывает метафизику назад, однако форма этого отрицания в его творчестве несет в себе всю метафизическую проблематику в еще более обостренном виде» [7. С. 61]. Отбрасывая платоновское солнце, он стремился сконструировать свой «прожектор» [Там же]. Несмотря на различные интерпретации философии Хайдеггера, он бесспорно является величайшим критиком метафизической традиции в европейской философии. Его задача преодоления метафизики вновь пробудила интерес к фундаментальным вопросам в эпоху тотального доминирования научного знания. Критика Хайдеггером метафизики была *необходимым условием для ее преодоления*, она заставила по-другому посмотреть на историю *метафизики как таковой*. *Без нее Хайдеггер не смог бы реализовать свой замысел, остался бы на полпути, не придя к тому изначальному истоку досократовской мысли, исходя из которого он переосмыслял понятие бытия. Нельзя не отметить влияние феноменологии Э. Гуссерля на Хайдеггера, поскольку призыв «Назад к вещам!» в определенном смысле стал отправным пунктом критической позиции Хайдеггера по отношению к предшествовавшей метафизике: «Фактически Хайдеггер осуществляет феноменологическую критику платонизма» [Там же. С. 60], тем самым пытаясь восстановить «истинное», досократовское понимание бытия и метафизики.*

В таком случае встает вопрос, к какому философскому течению можно отнести философию Хайдеггера? В «Докладах к философии» он предпринимает попытку обоснования философии на новый и иной лад, но с жалобой, что его никто не понимает... Он желает «дать произойти из истины бытия существованию, чтобы в этом найти основу для сущего в целом и как такового – а посреди него найти основу и для человека» [5. С. 156]. В отличие от противопоставления бытия и сущего в предшествовавшей метафизике Хайдеггер мыслит так, что «к явленности выходит само бытие сущего не на манер предшествующей метафизики как сверхчувственного, а как “двусложность бытия и сущего”» [6. С. 120]. Далее он пишет о «присутствии присутствующего, то есть двусложности обоих в их простой односложности» [12. С. 289]. Хайдеггер предлагает возвратиться к самим истокам греческого мышления и идти

глубже, уйти из сложившегося горизонта, который объективировался в истории западноевропейской философии. Однако не является ли такое философствование изощренной, экзистенциально-феноменологической формой пантеизма Шеллинговского типа?!

Примечание

«Как мир мирует, то есть существует сам по себе, по своим собственным правилам, независимо от человека, его восприятия и деятельности, так и бытие бытийствует, а сущность – сущит. От сущности (Wesen) Хайдеггер образовал *Wesung* (то есть осуществление сущностью себя как сущности, «сущение»). Вкупе с написанием бытия (*Sein*) через «у» (*Seyn*), как было принято писать несколько веков тому назад, создается впечатление, что речь идет о том же, но в древнем, исконном, изначальном виде. (Примерно в те же времена существовало и слово *Wesung*.) В этом должен выразиться особый смысл: *Seyn* = в отличие от современного *Sein* – должно обозначать некое протобытие, пра-бытие, глубинное бытие, исконное бытие (Современная философия утратила доступ к бытию вообще – Хайдеггер имеет доступ только к *Sein*, а *Seyn* в его глубинах остается потаенным и недоступным). А *Wesung* обозначает на старинный лад некое прасущение сущности как изначальное сущение. Такой вариант перевода вполне согласуется с контекстом. – *Прим. пер.*» (Пёггелер О. Новые пути с Хайдеггером. СПб.: Владимир Даль, 2019. С. 128).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бюффе Жан*. Диалог с Хайдеггером. Кн. 2: Новоевропейская философия. СПб.: Владимир Даль, 2007. 395 с.
2. *Бубер М.* Проблема человека // Два образа веры. М.: АСТ, 1999. 464 с.
3. *Асмус В. Ф.* Метафизика Аристотеля // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. 550 с.
4. *Дугин А.Г.Д.* Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2010. 389 с.
5. *Миронов В. В.* Метафизика не умирает (Хайдеггер и его защита метафизики) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 3. С. 84–98.
6. *Нижников С.А.* Н 60 Духовное познание в философии Востока и Запада: монография. М.: РУДН, 2009. 432 с.
7. *Нижников. С. А.* Мертв ли Бог? М. Хайдеггер о нигилизме и метафизике // Пространство и Время. 2014. № 2 (16). С. 57–62.
8. *Пёггелер Отто*. Новые пути с Хайдеггером / пер. с нем. и предисл. А.В. Перцева и О.А. Матвейчева. СПб.: Владимир Даль, 2019. 637 с.
9. *Сафрански Р.* Хайдеггер: германский мастер и его время / пер. с нем. Т. А. Баскаковой при участии В. А. Брун-Цехового; Вступ. статья В. В. Бибикина. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. 614 [10] с.: ил. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 956).
10. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. 416 с.
11. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
12. *Хайдеггер М.* Из разговора относительно языка между Японцем и вопрошающим // Время и бытие. – М., 1993. – 289 с.

13. *Хайдеггер М.* Лекции о метафизике / пер. с нем. и коммент. С. Жигалкина. М.: Языки славянских культур, 2010. 160 с.
14. *Хайдеггер М.* Ницше: в 2 т. I т. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2006. 604 с.
15. *Хайдеггер М.* Ницше: в 2 т. II т. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2007. 458 с.
16. *Хайдеггер М.* Слова Ницше «Бог мертв» // Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 333 с.

SIGNIFICANCE OF METAPHYSICS' CRITICISM IN M. HEIDEGGER'S CREATIVITY

Sergei Nizhnikov², Argen Kadyrov

Peoples' Friendship University of Russia

Despite various interpretations of Heidegger's philosophy, he is undeniably a deep critic of the metaphysical tradition in European philosophy. His task of overcoming metaphysics once again aroused interest in the fundamental issues of life in the era of the total dominance of private sciences. In the article, the authors explore the concept of metaphysics and its criticism in the work of M. Heidegger, as well as subsequent interpretations, in particular by O. Peggeler ("New Ways with Heidegger", 1992). Criticism of metaphysics was a necessary condition for overcoming it to build a fundamental ontology. Having experienced the influence of Nietzsche, Heidegger does not remain a Nietzschean, because he considers him the last metaphysician to be overcome. In this regard, Peggeler recognizes Heidegger's main work not as "Being and Time", but as "Reports to Philosophy" (1936), where he sought to reveal the primary sources of the concept of metaphysics. Heidegger's views regarding the interpretation of the development of metaphysics in different historical eras are specially considered.

Keywords: criticism of metaphysics, fundamental ontology, aletheia, physis, nihilism, event, language.

² E-mail: nizhnikovs@mail.ru, kaddyrov01@mail.ru